

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**КОНСТАНТИН
СОЛОВЬЕВ**

**РАУБРИТТЕР II
SPERO**

**МОСКВА
2022**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

Иллюстрация на обложке *Владимира Манюхина*

Соловьев, Константин Сергеевич.

С60 Раубриттер П. Spero / Константин Соловьев. —
Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-160569-8

Судьба не очень ласково обошлась с маркграфом Гримбертом, прозванным недругами Туринским Пауком. Погрязший в паутине интриг, он в какой-то миг утратил осторожность — и очень об этом пожалел. Подвергнутый императорской опале, оклеветанный, низложенный, Гримберт потерял всё, что прежде имел и чем дорожил. Свои фамильные владения, цветущую Туринскую марку. Свой рыцарский доспех, блистательный «Золотой Тур», исполинскую боевую машину, равной которой не было в восточных землях. Титул, вассалов, состояние, честь... Он потерял всё, включая свои глаза. Теперь он не всесильный владетель чужих судеб, а нищий калека. Если что-то и заставляет еще биться сердце в его груди, так это надежда на то, что ему удастся поквитаться с людьми, превратившими его жизнь в бесконечный кошмар. Вот только даже первый шаг на пути мести больше похож на самоубийство, ведь тянется он через смертоносные Альбы, древние и страшные горы, выжить в которых суждено не каждому зрячему...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160569-8

© Соловьев К.С., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*«Надежда — невидимое богатство,
несомненное владение сокровищем
прежде получения сокровища».*

Иоанн Лествичник

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дверь распахнулась так внезапно, что Гримберт не успел даже отнять от нее кулака. Напряженные для очередного удара пальцы ощутили перед собой пустоту, и в этой пустоте, как в вакуумном пространстве, он отчетливо ощутил тревожное биение собственного сердца.

Раньше ему редко приходилось самому касаться дверной рукояти — к тому моменту, когда он подходил, та уже оказывалась услужливо распахнута рукой слуги или оруженосца.

— Ну, ты, бездельник! — спросил человек, открывший дверь. — Чего скребешься поутру? Почто мешаешь спать честному христианину?

Голос у него был тяжелый и грубый, немного скрипящий, под стать самой двери. Но если дверь Гримберт успел ощупать, ощутив пальцами грубо сбитые доски, по части внешности хозяина дома ему оставалось только догадываться.

— Доброго дня, хозяин, — громко произнес он, обращаясь к тому месту, где должна была находиться голова собеседника. — Да принесут ангелы Господни радость под сень этого дома!

Радостью под сенью этого дома не пахло, это он ощутил сразу же, едва лишь распахнулась дверь. Пахло затхлостью, сырым углем, конским навозом и жухлым се-

ном. Словом, почти так же, как в любом доме Бра. Разве что в этот раз к запаху примешивался тонкий аромат винной кислоты — привкус чужой брезгливости.

— Пусть приносят, главное, чтоб под дверь не насрали. Я что, похож на человека, подающего милостыню?

Гримберт ощутил облегчение — этот голос он узнал сразу же. Скрипучий, недобрый, он напоминал рокот старого двигателя, который отработал много лет без перерыва, но который еще каким-то образом продолжает работать, несмотря на ржавчину и износ. Даже легкая напевность, которую Гримберт машинально определил как иберийский акцент, не придавала этому голосу мелодичности.

— Черт, да ты слепой... — к раздражению прибавилась легкая досада. — Все равно не подаю. Катись лучше к собору Святого Филиппа, может, заработаешь пару грошей. Только лучше бы тебе успеть до конца утренней службы, а то больно уж много вашей публики на паперти. Уж чего-чего, а калек в этом городе хватает...

Чувствовалось, что хозяин крепко не в духе, говорил он сквозь зубы, а свет новорожденного дня, который Гримберт ощущал на лице теплым медяком, дарил ему не столько радость, сколько головную боль. Скорее всего, лишний кувшин вина, опрокинутый им вчера в трактире, не пошел во благо.

Гримберт машинально коснулся свободной рукой, в которой не держал клюку, лица. Проклятый жест, от которого ему не удалось избавиться за долгое время. Пальцы коснулись заскорузлой тряпицы, намотанной вокруг глаз.

— Я не прошу милостыню, — смиренно произнес Гримберт. — Ты ведь Берхард Однорукий?

Еще несколько секунд тишины. Каждая из которых показалась Гримберту тяжелым жерновом, дробящим его кости. От этого ожидания отчаянно зудели воспаленные швы под робой, заставляя его крепко стискивать зубы.

— А тебе-то что?

Гримберт улыбнулся. Еще на рассвете он умылся из придорожной канавы и натер зубы песком, чтобы сделать улыбку хоть сколько-нибудь привлекательной. Не самое простое занятие, когда лишен возможности увидеть свое отражение, но он надеялся, что это сделало его лицо, покрытое уличной пылью, хоть сколько-нибудь заслуживающим доверия.

— Если ты Берхард, я хочу предложить тебе сделку. Выгодную сделку.

Берхард высморкался звучно и обстоятельно.

— Сделка? — судя по влажному шлепку, плевок угодил в локте от ног Гримберта. — Какой мне прок от сделки со слепым, скажи на милость? Будешь высматривать, с какой стороны встает солнце? Может, мне еще нанять безногого, чтоб бегал для меня за водой?

Немолод, машинально отметил Гримберт. Немолод и невоспитан. Добродетели в нем не больше, чем в голодной крысе, подбирающейся к рассеченному животу умирающего. Таких пруд пруди в любом городе, и Бра не исключение. Проклятая уличная порода. Проклятый город.

Словно уловив его мысль, город будто в насмешку издал новую порцию вибраций, подтверждающих, что в его каменных недрах, необъятных, как у библейского чудовища, уже зарождается свежая утренняя жизнь, сбрасывая с себя ночное оцепенение. Гримберт не мог

видеть его обличья, но обоняние и слух фиксировали все эти бесчисленные сигналы, вызывавшие в его теле подобие болезненной судороги.

Звон конских подков по щербатой мостовой. Треск старых дверей. Скрип телеги угольщика. Залихватский мальчишечий свист. Протяжное хлопанье ставен. Сонные, наспех брошенные ругательства. Куриное кудахтанье. Звон кочерги в печи. Звон разбитого стекла. Хриплый петушиный возглас.

Бра просыпался, гремя на тысячи голосов, скрипя, ворча, кляня жизнь, треща старыми дверями, звеня колодезными цепями, стряхивая с крыш жухлую солому, грохоча сапогами и наполняя улицы колючим людским гомоном, перед которым Гримберт ощущал себя особенно незащитным.

— Мне не нужны деньги, — произнес он. — Напротив. Это я готов заплатить тебе.

Человек, которого звали Берхардом, судя по всему, не был самым большим умником в Бра. Гримберту показалось, что он слышит скрип тяжеловесных шестерен в голове у собеседника. Шестерен более старых, чем ратуша этого жалкого городишки.

— Заплатить мне? Это за что же ты хочешь мне заплатить, слепец?

Нужные слова были заготовлены загодя и ждали своей очереди, как снаряды в боеукладке. Но, прикоснувшись к ним, Гримберт ощутил под языком кислый металлический привкус. Обратного пути не будет, господин маркграф. Ты знал это еще до того, как твой кулак коснулся двери.

— Мне нужен человек, который отведет меня к Бледному Пальцу, — твердо произнес он. — Говорят, ты хо-

рошо знаешь Альбы. Я готов нанять тебя в качестве проводника.

По заведенной издавна традиции туринские палачи, завязав жертве глаза и уложив ее голову на плаху, не сразу обрушивали на ее шею удар топора. Они нарочно долго проверяли оружие, без всякой необходимости подтачивали лезвие и совершали множество бессмысленных с точки зрения собравшейся публики действий. Они знали то, что испокон веков знают люди их профессии — ожидание может быть мучительнее, чем самый изощренный мастер пыточных дел. К тому моменту, когда топор наконец был занесен, многие несчастные успевали обмочиться от страха или поседеть на глазах у собравшихся.

Теперь Гримберт знал, каково это. Каково скорчиться в полной темноте, ощущая на глазах плотную повязку, и с замиранием сердца считать секунды, не зная, что тебя ждет — резкий свист отточенного до желтизны лезвия или топот шагов глашатая, спешащего огласить указ о помиловании. Гримберт мрачно подумал о том, что в его случае глашатай едва ли пригодится. Даже если с его глаз сорвут повязку, в окружающем мире от этого светлее не станет. Этот мир был погружен в темноту уже навсегда.

— Я что, похож на поводыря? — раздраженно рыкнул Берхард.

— Ты похож на человека, который хорошо знает Альбы.

— Вот именно, дурак ты набитый. Будь у меня железные сапоги, я бы их уже трижды стоптал об эти чертовы камни!.. Но я еще не выжил из ума, чтобы тянуть в горы слепого!

— Я слышал, ты лучший гонец в Бра. Знаешь каждую складку и каждый камень. За день можешь доставить письмо из Тестико в Вазию. Мне нужен именно такой человек, чтоб добраться до Бледного Пальца. И я готов заплатить. Семьдесят полновесных денье имперской чеканки.

* * *

Он на ощупь достал несколько щербатых монет и покрутил в пальцах. Прохладное серебро приятно охладило внезапно вспотевшую ладонь.

Берхард долго молчал. Гримберт напряженно слушал его хрипкое дыхание, пытаясь понять, о чем тот думает. Судя по голосу, этот человек немолод. В Бра не так много фабрик, как в прочих городах Салуццо, оттого воздух относительно чист, иногда на здешних улицах можно встретить даже пятидесятилетних стариков. Сколько ему? Сорок? Сорок пять? Не тот возраст, когда серебро туманит разум. К тому же жадные люди редко возвращаются из Альб живыми. Нет, алчность — едва ли та наживка, на которую надо ловить этого мерзавца. Гримберт стиснул зубы. В его арсенале других сейчас не было.

— Ты когда-нибудь был в Альбах?

Вопрос был задан холодно, без любопытства.

— Что?

— Был когда-нибудь в здешних горах?

«Да, — хотел было сказать Гримберт. — Иногда мы с загонщиками отправлялись в предгорья Альб, чтоб затравить пещерного медведя или перехватить шайку контрабандистов, шныряющих горными тропами на границе Туринской марки».

Хорошее было время, веселое время. С контрабандистов сквайры заживо срезали кожу и прибавляли ее к

окрестным деревьям. Окрестные рыцари шутливо называли такие «Туринскими указателями».

— Нет, — смиренно ответил Гримберт. — Не приходилось.

Берхард презрительно фыркнул, и звук получился сухой, почти металлический.

— Эти горы убили больше народу, чем три последние войны и Железная Ярмарка. Они не любят дураков. А я буду кромешным дураком, если сунусь туда, да еще и со слепым на поводке. Да ты разобьешь себе голову о первый же столб, не дойдя до городских ворот!

— Я не стану обузой. — Гримберт позволил себе немного повысить голос: — У меня нет глаз, это верно, но голова как будто на месте.

— В таком случае ты сообразишь, как побыстрее убраться с моего порога.

Дверь захлопнулась с гулким деревянным стуком, похожим на тот звук, который при резком смыкании издает крышка гроба. Гримберт подался было вперед, рефлексивно пытаясь задержать ее свободной от клюки рукой, но потерял равновесие, споткнувшись о булыжник, и едва не упал. Обступившая его темнота гадливо засмеялась, сквозь этот смех лязг задвигающегося засова показался еще более тягостным звуком.

Вот и все. В теле вдруг закончились силы. Вытекли, как вода из треснувшего кувшина. Ноги загудели, будто им уже пришлось пройти сотни миль по острому горному камню, все сухожилия обмякли, перестав удерживать члены. В груди затрещали неправильно сросшиеся ребра, полыхнул огненной рекой растянувшийся на боку рубец.

«Болван. Болван. Проклятый болван».

Гримберт тяжело опустился на мостовую возле двери, пытаясь унять разыгравшееся сердцебиение и расслабить сведенные судорогой пальцы. Как обычно в такие моменты, вспыхнула сводящая с ума резь в глазницах, как будто там еще оставалось что-то, что могло болеть. Темнота заплясала вокруг, вызывая мучительное головокружение и слабость.

Гримберт изо всех сил стиснул деревянную рукоять своей клюки. Справиться с болью было непросто, однако возможно. Слабость тоже рано или поздно отступала — тело, хоть и порядком потрепанное, все еще было достаточно молодо, чтобы восстановить силы. Но против самого страшного своего противника, против темноты, он был бессилён.

Темнота была всевластна. Он не мог прогнать ее ни на миг, даже если бы поднес к лицу пылающий факел. Она не отступала, как трусливая ночь на рассвете, едва лишь заслышав крик петуха. Она утвердилась подобно тирану, окутав собой и поглотив все то, что было ему прежде знакомо. Предметы, которых он касался, состояли из темноты. Земля, по которой он шел, была темной. Люди, голоса которых он время от времени слышал, тоже были лишь сгустками темноты.

Самыми страшными были первые дни, когда он только учился осознавать это. Что темнота, окутавшая все вокруг, это не чудовище, вторгшееся в привычный ему мир. Отныне темнота — это и есть его новый мир.

«Спокойно, — приказал он себе. — Спокойно, ты, жалкое дрожащее отродье. Если бы ты отступал всякий раз, когда судьба подкидывала тебе подлость, ты бы и пятился всю жизнь, как речной рак».

Мысленно досчитав до ста и убедившись, что сердцебиение улеглось, Гримберт на ощупь уселся неподалеку от двери, устроился поудобнее на теплом камне и вытянул перед собой собранные горстью ладони.

Если вечная ночь и была способна чему-то научить, так это терпению.

* * *

К полудню ему удалось набрать лишь четыре обола — жалкая цена за долгие часы, проведенные под светом яростного осеннего солнца, норовящего сжечь кожу даже сквозь тряпье на лице.

Возможно, этот Берхард был прав, мрачно подумал Гримберт, ощупывая пальцем сложный герб маркграфства Салуццо на теплом профиле монеты. Возможно, ему в самом деле стоило отправиться к собору Святого Филиппа. После утренней службы народ благодушен и куда охотнее делится медью, имея талант и такт, можно заработать до двух дюжин оболов. А это уже двенадцать денье по здешним меркам или целый гросс серебром.

Явите жалость к несчастному калеке, глаза которому выкололи мавры, но который по-прежнему взирает на мир с христианским смирением!..

С другой стороны... Гримберт зло хрустнул костяшками пальцев. С другой стороны, вместо горсти меди он мог получить кое-что иное. Сломанную руку или выбитые зубы. Несмотря на то, что Железная Ярмарка не собрала в тихом провинциальном Бра той жатвы, которую собрала во всем маркграфстве Салуццо, количество калек в городе было таково, что паперть перед собором Святого Филиппа нередко превращалась в поле настоящей битвы между увечными и калеками всех мастей.